

Мейрамғалиева Р.М.

**Мотив как фактор
герменевтики
в литературоведении**

В статье рассматривается герменевтическая основа исследования проблемы мотива в современном литературоведении, утверждается мысль о том, что сферу мотивов составляют звенья произведения, отмеченные внутренним, невидимым курсивом, который подобает ощутить и распознать чуткому читателю и литературоведу-аналитику. Автор статьи доказывает, что свойство неразложимости мотива в качестве критерия у А.Н. Веселовского выступает как семантическая целостность мотива. В статье подчеркивается, что наиболее глубоким итогом семантической теории выступает идея эстетической значимости мотива. Эта идея выводит понятие мотива за пределы его узкой предметной трактовки и связывает проблематику мотива с общими вопросами генезиса эстетического начала в фольклоре и литературе, в том числе объясняет самое явление устойчивости мотива в повествовательной традиции. Автор статьи утверждает, что рассмотрение моделирующей функции мотива, его креативного потенциала в анализе идейно-художественного целого – одна из приоритетных задач современного литературоведения. Актуальность мотивного анализа также связана с художественным опытом романа XX века, отмеченного чертами дискретности и фрагментарности повествования.

Ключевые слова: герменевтика, основа исследования, литературоведение, мотив, тема, идея, фабула, классификация, поэтика.

Meiramgaliyeva R.M.

**The motive as a factor in literary
hermeneutics**

The article deals with the hermeneutic basis of the research problems of the motive in contemporary literary criticism, asserts the idea that the sphere of the motives are on the links made internal, invisible italics, which ought to feel and recognize by the sensitive reader and critic-analyst. The author argues that the property indecomposability of motive as a criterion in A.N.Veselovsky performs semantic integrity of motive. The article stresses that the most profound result of semantic theory is the idea of the aesthetic significance of the motive. This idea takes the concept of motive beyond its narrow interpretation of the subject motive and binds problems with general questions of the genesis of aesthetic principle in folklore and literature, including the same phenomenon explains the motive of stability in the narrative tradition. The author argues that consideration of modeling motive function, its creative potential in the analysis of the ideological and artistic whole – one of the priorities of modern literary criticism. The relevance of motivic analysis is also associated with the artistic experience of the novel of the XX century, the marked features of discrete nature and fragmentation of the narrative.

Key words: hermeneutics, basis of research, literature, motive, theme, idea, plot, classification, poetics.

Мейрамғалиева Р.М.

**Әдебиеттанудағы сарын
мәселесі герменевтикалық
фактор**

Мақалада әдебиеттанудағы сарын мәселесі герменевтикалық фактор болып қарастырылады және сарынның саласын көрсету үшін тек қана шығармалардың бөлшегін ішкі, көрінбейтін курсив болып табылатын оқырманға не аналитик-әдебиетшіге көрінетін ой тудырылады. Мақаланың авторы А.Н. Веселовскийдің критерийі бойынша талдалмайтын сарынның қасиеттері сарынның семантикалық тұтастығы екенін дәлелдейді. Мақалада семантикалық теорияның терең қорытындысы – сарынның эстетикалық маңызы деп көрсетіледі. Осы ой сарынның түсінігін жалпы фольклордағы және әдебиеттегі эстетикалық сұрақтың негіздерін байланыстырып, айтылым дәстүрлерінде сарынның тұрақты екеніне түсініктеме беріледі. Мақаланың авторы сарынның модельдеулік функциясын, оның идея-көркемді зерттеуінде креативтік болжамы қазіргі әдебиеттануда приоритетті қасиетін анықтайды. Сарынның өзекті талдау жолдары XX ғасырдың роман жанрының дамуымен дискретті және фрагментті байланыстылығын дәлелдейді.

Түйін сөздер: герменевтика, зерттеудің негізі, әдебиеттану, сарын, тақырып, идея, фабула, жіктелім, поэтика.

МОТИВ КАК ФАКТОР ГЕРМЕНЕВТИКИ В ЛИТЕ- РАТУРОВЕДЕНИИ

В истории русской литературы XX века проблема мотива тесно связана с темой и носит не только теоретический, но и практический характер. Мотив как термин используется для обозначения им второстепенной, дополнительной темы произведения, призванной оттенить основной или дополнить главной.

Существуют самые разнообразные классификации мотивов, но в данной работе рассматривается мотив повествовательный – в том русле его понимание, которое было разработано в традиции исторической поэтики и, в частности, в трудах А.Н. Веселовского. В самом первом приближении повествовательный мотив можно определить как традиционный, повторяющийся элемент фольклорного и литературного повествования. В рамках подобной трактовки можно говорить, например, о мотиве преступления и наказания в произведении, в творчестве писателя, в той или иной повествовательной традиции.

Исходное, ведущее, главное значение данного литературоведческого термина поддается определению с трудом. Мотив – это компонент произведений, обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью). Он активно причастен теме и концепции (идее) произведения, но им не тождественен.

Доказано, что мотив так или иначе локализован в произведении, но при этом присутствует в формах самых разных. Он может являть собой отдельное слово или словосочетание, повторяемое и варьируемое, или представлять как нечто обозначаемое посредством различных лексических единиц, или выступать в виде заглавия либо эпиграфа, или оставаться лишь угадываемым, ушедшим в подтекст. Прибегнув к иносказанию, правомерно утверждать, что сферу мотивов составляют звенья произведения, отмеченные внутренним, невидимым курсивом, который подобает ощутить и распознать чуткому читателю и литературоведу-аналитику. Важнейшая черта мотива – его способность оказываться полуреализованным в тексте, явленным в нем неполно, загадочным.

Мотивы могут выступать либо как аспект отдельных произведений и их циклов, в качестве звена их построения, либо как достояние всего творчества писателя и даже целых жанров,

направлений, литературных эпох, всемирной литературы как таковой. В этой надындивидуальной стороне они составляют один из важнейших предметов исторической поэтики [2, 372-373].

В определениях мотива, рассыпанных по страницам «Поэтики сюжетов», ученый неизменно подчеркивает свойство неразложимости мотива. При этом в качестве критерия неразложимости у А.Н. Веселовского выступает семантическая целостность мотива. Об этом с очевидностью можно судить по двум основным определениям, данным в книге:

а) «Под мотивом я разумею формулу, образно отвечавшую на первых порах общественности на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закреплявшую особенно яркие, казавшиеся важными или повторявшиеся впечатления действительности.

б) «Под мотивом я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения».

Следует подчеркнуть, что при этом собственно морфологическая сложность и морфологическая разложимость мотива для А.Н. Веселовского вполне очевидна, о чем свидетельствуют приведенные выше определения мотива: это «схематизм» – значит, есть части этой схемы; это «формула» – значит, есть слагаемые этой формулы. Ученый называет следующие примеры мотивов: «солнце кто-то похищает»; «у лосося хвост с перехватом: его ущемили и т.п.»; «злая старуха изводит красавицу, либо ее кто-то похищает» [2, 494]. Местоимения: «кто-то», «либо» и «т.п.» уже предполагают морфологическую разложимость мотива на компоненты и вариативность этих компонентов в составе мотива. Для А. Н. Веселовского это настолько очевидный факт, что он не придает ему значения – но именно потому, что вариации мотива не нарушают целостности его семантики.

Семантическая целостность мотива, будучи его конститутивным свойством, не является препятствием для анализа семантической структуры мотива. Чтобы продемонстрировать глубину новаторского подхода ученого, приведем небольшой фрагмент его работы, раскрывающий самую процедуру семантического анализа мотива, указанных произведений. Заметим при этом, что тот смысл, который исследователь вкладывает в термин «сюжет», в современной сюжетологии соотносится скорее с представлениями о сюжетной схеме, или фабуле произведения.

Сравнивая варианты мотива, лежащего в основе фабул данных произведений, исследователь выявляет семантический инвариант мотива, а затем определяет семантику его вариантов – при помощи набора дифференциальных семантических признаков. По существу, это первый в отечественной нарратологии опыт определения инвариантного начала мотива.

Итак, перед нами – анализ мотива, заключающийся в определении его фабульных вариантов и последующем их сравнении, в результате которого выявляется инвариант мотива и система дифференциальных признаков, семантически варьирующих данный мотив. Наиболее глубоким итогом семантической теории выступает идея эстетической значимости мотива. Эта идея выводит понятие мотива за пределы его узкопредметной трактовки и связывает проблематику мотива с общими вопросами генезиса эстетического начала в фольклоре и литературе, в том числе объясняет самое явление устойчивости мотива в повествовательной традиции. В развитии идеи эстетичности мотива сходятся вместе линии концептуальных поисков А.Н. Веселовского и О.М. Фрейденберг.

Оба исследователя трактуют идею эстетичности мотива через сопряженное понятие образности. Раскрыть понятийную подоплеку данных формул помогает анализ небольшого текста А.Н. Веселовского, соположенного «Поэтике сюжетов» и озаглавленного «Задача исторической поэтики»: «В эстетическом акте мы отвлекаем из мира впечатлений звука и света внутренние образы предметов, их формы, цвета, типы, звуки, как отдельные от нас, отображающие предметный мир. Они отображают все это условно: предметы схватываются интенсивно со стороны, которая представляется нам типической; эта типическая черта дает ему известную цельность, как бы личность; вокруг этого центра собираются по смежности ряды ассоциаций» [2, 499].

Как можно видеть из приведенного текста, А.Н. Веселовский определенно связывает понятие образа и самое качество образности с моментом целостного восприятия предмета в эстетическом акте. Эта связь определена ученым предельно точно.

Итак, мотив как образная повествовательная формула, закрепленная в традиции, обладает свойством эстетической значимости. Именно это свойство мотива определяет в конечном счете его устойчивость в фольклорной и литературной традиции – и его релевантность в системе пове-

ствовательного языка этой традиции. Завершим этот раздел высказыванием А.Н. Веселовского: «Чем далее образ или ассоциация образов удерживается в предании человечества, тем более мы вправе заключить об их эстетичности» [2, 501].

Обратим внимание на тематическую функцию мотива. Как справедливо отмечает Томашевский Б.В. «наряду с фабулой и сюжетом, тема – ближайшая к мотиву категория».

Литературовед Томашевский Б.В. в монографическом учебнике развивает тематическую трактовку мотива: «Эпизоды распадаются на еще более мелкие части, описывающие отдельные действия, события и вещи. Темы таких мелких частей произведения, которые уже нельзя более дробить, называются мотивами» [2, 503]. Подобным образом, роль литературных лейтмотивов – соединять различные отрезки литературного текста, обеспечивать их структурную и семантическую связность. Как утверждает В.Е. Хализев: «Внимание к мотивам, таящимся в литературных произведениях, позволяет понять их полнее и глубже. Так, некими «пиковыми» моментами воплощения авторской концепции в известном рассказе И. А. Бунина о внезапно оборвавшейся жизни очаровательной девушки являются «легкое дыхание» (словосочетание, ставшее заглавием), легкость как таковая, а также неоднократно упоминаемый холод. Эти глубинно взаимосвязанные мотивы оказываются едва ли не важнейшими композиционными «скрепами» бунинского шедевра и одновременно – выражением философического представления писателя о бытии и месте в нем человека. Холод сопровождает Олю Мещерскую не только зимой, но и летом; он царит и в обрамляющих сюжет эпизодах, изображающих кладбище ранней весной. Названные мотивы соединяются в последней фразе рассказа: «Теперь это легкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре» [1, 4]. Так или иначе, там, где мотивный ряд указывает на некий подтекст, то есть позволяет провести некое семантическое удвоение текста, его концептуализацию, нужно говорить о моделирующей. В этом смысле можно согласиться с Дымарским М.Я.: «Мотив же, в сущности, является не онтологической единицей нарратива, а единицей анализа нарратива. Сюжетное событие может быть истолковано как мотив – при условии идеологической или эстетической его интерпретации, – но в этом случае неизбежно происходит отвлечение от деталей, аспектов события [4, 50].

Следует подчеркнуть, что мотив – единица интерпретации. Иначе говоря, читатель отмечает повтор, затем его парадигматизирует и, в конечном счете, осмысляет текст в его концептуальном значении. И все же, автор настаивает на том, чтобы «мотивный процесс должен быть достаточно строго упорядочен, без чего само опознание мотивов и их вариантов станет невозможным. Эта упорядоченность достигается тем, что сами приемы дробления, варьирования, соединения мотивов повторяются, разные мотивные комбинации обнаруживают тождественный синтаксис.

Рассмотрение моделирующей функции мотива, его креативного потенциала в анализе идейно-художественного целого – одна из приоритетных задач современного литературоведения. Актуальность мотивного анализа также связана с художественным опытом романа XX века, отмеченного чертами дискретности и фрагментарности повествования.

В связи с резким культурным кризисом и общественным переворотом сознания в литературе за романтизмом возникает символизм, который вносит свои особенности в изображение и реализацию мотива безумия.

Для А.Н. Веселовского как главного представителя семантического подхода – конститутивным началом мотива является семантическая целостность, которая и ставит предел элементарности мотива. При этом семантика мотива носит образный характер. Это значит, что мотив целостен постольку, поскольку репрезентирует целостный образ. Самый образ, лежащий в основе мотива, по своему существу эстетичен и соотносит мотив с парадигмой значений эстетического языка эпохи. Именно эта связь объясняет феномен самозарождения мотивов из «самой жизни» – но увиденной и пережитой в эстетическом ракурсе.

Таким образом, возвращение к проблеме отношения мотива и темы весьма симптоматично для современного литературоведения (напомним, что и А.Н. Веселовский нередко ставил знак неравенства). Сюжет для него – это «тема, в которой снуют разные положения-мотивы» [2, 500]. Как уже отмечалось выше, проблема отношения мотива и темы имеет исключительное значение для понимания семантической природы мотива. Наряду с фабулой и сюжетом, тема – ближайшая к мотиву категория. Отношения темы и мотива еще далеко не прояснены – и весьма симптоматично, что эти отношения становятся актуальной проблемой новейших литературоведческих исследований о проблеме мотива.

Литература

- 1 Хализев В.Е. Теория литературы. – М., 1999. – С. 267.
- 2 Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – Л., 1940. – С. 388 / История русского литературоведения. – М.: Высшая школа, 1980. – 349 с.
- 3 Томашевский Б. Поэтика: Краткий курс. – М., 1996. – С. 71.
- 4 Дымарский М.Я. Еще раз о понятии сюжетного события // Алфавит: Стрoение овествователъного текста. – Смоленск, 1982. – С. 149.
- 5 Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра / Миф и литература. – Л., 1982.

References

- 1 Halizev V.E. Teoriya literatury. – M., 1999. – S. 267.
- 2 Veselovskij A.N. Istoricheskaya poehtika. – L., 1940. – S. 388 / Istoriya russkogo literaturovedeniya. – M.: Vysshaya shkola, 1980. – 349 s.
- 3 Tomashevskij B. Poehtika: Kratkij kurs. – M., 1996. – S. 71.
- 4 Dymarskij M.YA. Eshche raz o ponyatii syuzhetnogo sobytiya // Alfavit: Stroenie povestvovatel'nogo teksta. – Smolensk, 1982. – S. 149.
- 5 Frejdenberg O.M. Poehtika syuzheta i zhanra / Mif i literatura. – L., 1982.